

Или тебе не нравится, когда другие едят слойку «Рука Будды», поэтому ты их всех убил?

— Я думаю, это второе.

Конец, конец, конец, конец, это провал.

В этот момент Дуань Юньшэнь почувствовал, как взгляд тирана упал на него, но он не осмеливался встретиться с ним глазами.

Тот лекарь уже закончил осмотр и, вероятно, искал подходящее лекарство, опустив голову и копаясь в своей медицинской сумке.

Между Дуань Юньшэнем и Цзин Шо не было никаких преград, и Дуань Юньшэнь чувствовал, что его взгляд буквально разрывает его на части.

Нужно было как-то исправить ситуацию:

— На самом деле, я не так уж люблю это блюдо...

Не успел он договорить, как что-то в медицинской сумке лекаря ослепило его, словно маленькое зеркало.

Свет отразился прямо на его лице, ослепляя.

Но зачем лекарю зеркало в медицинской сумке?

Приглядевшись, Дуань Юньшэнь понял, что это вовсе не зеркало, а кинжал.

Лезвие было настолько блестящим, что отражало свет, ослепляя.

Всё произошло мгновенно. Дуань Юньшэнь даже не успел подумать, что делает.

Он увидел, как лекарь сжал кинжал и с молниеносной скоростью шагнул вперёд, пытаясь вонзить его в сердце тирана.

Большинство стражников ушли преследовать предыдущего нападавшего, а те, кто остались, были за дверью.

Лекарь был слишком близко к Цзин Шо, даже ближе, чем Дуань Юньшэнь.

Он был лекарем и знал, где находятся жизненно важные органы.

Всё складывалось в его пользу.

Если бы этот удар попал в сердце тирана, в этих примитивных условиях, даже боги не смогли бы его спасти.

— Осторожно!..

...

Когда Дуань Юньшэнь пришёл в себя, он уже держал кинжал.

Он схватил лезвие, зажав его между кинжалом и сердцем тирана.

Благодаря его рукам, только кончик кинжала проник в кожу груди Цзин Шо.

Дуань Юньшэнь: ...

Цзин Шо: ...

Лекарь:

— Тиран и демоническая наложница!! Сегодня я отомщу за мою сестру Чжо! Убью тирана, восстановлю справедливость, князь Цзя — лучший выбор для империи!

Лекарь продолжал кричать, пытаясь вырвать кинжал из рук Дуань Юньшэня, чтобы нанести ещё один удар.

Дуань Юньшэнь, выросший в цивилизованном обществе, никогда не сталкивался с подобным. Он был в шоке, но инстинктивно держал кинжал, не отпуская его, и просто оцепенел.

В этот момент стражники, услышав шум, ворвались в комнату.

Первый стражник, войдя, увидел происходящее и метнул свой меч — это был меч с его пояса.

Меч был брошен с таким мастерством, что в полёте отрубил руку лекаря, держащую кинжал.

Рука лекаря была отрублена чисто, тиран и наложница остались невредимы.

Стражники ворвались в комнату, сразу же схватили обезумевшего лекаря, а остальные встали на колени перед тираном, прося прощения.

Дуань Юньшэнь всё ещё стоял, как вкопанный, держа лезвие, его руки упирались в грудь тирана.

Выражение лица Цзин Шо было неоднозначным. Он смотрел на Дуань Юньшэня, не проявляя ни заботы, ни гнева к лекарю.

Он тоже, казалось, был в замешательстве.

Они стояли, как статуи, а стражники, просящие прощения, не смели пошевелиться. Только лекарь, терпя боль, продолжал ругаться.

Цзин Шо долго молчал, прежде чем с трудом спросил Дуань Юньшэня:

— Почему ты не отпустил кинжал, когда он пытался вырвать его и ударить снова?

Если бы стражники не пришли вовремя и не отрубили руки лекарю, то, судя по силе, с которой он пытался вырвать кинжал, Дуань Юньшэнь мог бы потерять все пальцы.

Дуань Юньшэнь был словно в трансе. Услышав вопрос Цзин Шо, он медленно посмотрел на его лицо и постепенно пришёл в себя.

Слёзы, вызванные болью, неконтролируемо покатались из его глаз:

— Я... я не успел подумать... Мои руки... они теперь не смогут работать?.. Это так больно...

Самое страшное, что он испытывал в цивилизованном мире, — это порез пальца при нарезке

овощей или ссадина на колене.

Теперь же его пальцы крепко сжимали лезвие, глубоко впиваясь в плоть...

Казалось, даже кости чувствовали остроту лезвия.

Кровь хлынула из его рук, смешиваясь с кровью на груди Цзин Шо.

Чёрт, как больно...

От боли Дуань Юньшэнь попытался разжать пальцы.

— Ты с ума сошёл!? Не двигайся, кто тебе разрешил двигаться!?

В глазах Цзин Шо появилась паника:

— Позовите лекаря — лекаря сюда!!

Стражники, которые до этого стояли в оцепенении, бросились звать другого лекаря.

Цзин Шо смотрел на руки Дуань Юньшэня, как будто хотел вытереть кровь, но не решался сделать это.

Дуань Юньшэнь чувствовал себя ужасно неловко. Слезы катились из его глаз, и он плакал, словно ребёнок.

Руки болели ужасно, но после окрика Цзин Шо он не смел пошевелиться, боясь, что пальцы отвалятся.

Цзин Шо, видя, как сильно плачет Дуань Юньшэнь, не знал, что делать.

Подумав, он, как неуклюжий ребёнок, впервые пытающийся утешить, осторожно вытер слёзы своим рукавом.

Не трогай меня!! Это всё из-за тебя!! Я умираю от боли!! Мои пальцы отвалятся!! Мама, я хочу домой!!

Лекарь обработал и перевязал руки Дуань Юньшэня, но когда Цзин Шо спросил, останутся ли последствия от этой травмы, лекарь долго дрожал, прежде чем упасть на колени.

К этому времени Дуань Юньшэнь уже перестал плакать. Сидя на ложе, он поднял две руки, забинтованные, как у кота Дораэмона, и, увидев, как лекарь падает на колени, почувствовал, как сердце его сжалось.

Мои руки...

Руки, которыми я ем и пишу...

Тиран смотрел на лекаря с мрачным выражением, но его голос был спокоен:

— Сейчас моё настроение не самое лучшее, господин, подумайте, какие слова мне будет приятно услышать.

— Ваше Величество, простите, но травма наложницы Юнь слишком серьёзна, я не могу

гарантировать...

— О?

Цзин Шо медленно произнёс это слово, и лекарь сразу замолчал.

Цзин Шо:

— Хорошо, я милосерден. Если палец моей наложницы будет повреждён, я заберу одну руку у вас. Если ваших рук не хватит, я привлечу ваших коллег из Императорской лечебницы. Если все десять пальцев моей наложницы будут потеряны, все в лечебнице останутся с одной рукой. Как вам такое предложение?

Дуань Юньшэнь молча сглотнул. Где тут милосердие?

Лекарь в панике умолял:

— Ваше Величество, нельзя!! Нельзя, Ваше Величество! Я...

Цзин Шо:

— Что, не хотите подставлять своих коллег? Тогда пусть ваши девять семейств пожертвуют правой рукой?

Лекарь:

— Это... я принимаю ваш приказ. Все в Императорской лечебнице приложат все усилия, чтобы сохранить руки наложницы Юнь!

Наложница Юнь посмотрела на свои две «драгоценные» руки, забинтованные, как у Дораэмона.

Цзин Шо:

— Уходите.

Дуань Юньшэнь мысленно поставил свечку за этого лекаря. Лекарь — опасная профессия, ведь «если не вылечишь его/её/это, я уничтожу твою семью!»

Медицинские скандалы существовали с древних времён.

Но, в любом случае, если кто-то будет усердно лечить его руки, это хорошо. Если всё же ничего не получится, он попробует использовать свои способности демонической наложницы, немного пофлиртовать и, возможно, выпросить милость для этих невинных лекарей. Ведь он же спас жизнь тирану, так что это не будет слишком нагло.

Когда лекарь ушёл, стражники привели в зал того лекаря, который пытался совершить покушение.

У него уже была отрублена одна рука, и он потерял много крови. После этого его, вероятно, пытали, и теперь он был с растрёпанными волосами, а кровь залила ковёр в зале, наполнив его запахом крови.

Стражники сначала поклонились Цзин Шо и Дуань Юньшэню, а затем почтительно доложили

о результатах допроса.

<http://bllate.org/book/16211/1455455>